

СУДЬБЫ И КОНТУРЫ ЦИВИЛИЗАЦИЙ

Т.А. Горелова

10.7256/1999-2793.2013.01.6

МОДЕРНИЗАЦИЯ ИЛИ ОБЩЕСТВЕННЫЙ ПРОГРЕСС?

Аннотация. В статье обсуждается соотношение понятий модернизация и общественный прогресс в контексте тенденций современного общества. Рассматривается историческая динамика данных понятий. Проводится анализ социокультурного и духовного состояния современного западного и российского обществ. Обосновывается утверждение о необходимости именно общественного прогресса как целостного развития различных составляющих — социальной, научно-технической, экологической, моральной, духовной и др.

Ключевые слова: философия, модернизация, прогресс, социал-дарвинизм, неолиберализм, свобода, симулякр, дар, доверие, традиция.

Поскольку статья начинается со знака вопроса, продолжим и начнем с общего вопроса: что такое модернизация и какое отношение она имеет к общественному прогрессу? Слово «модернизация», переводное с английского («modern» — современный), означает «осовременивание». Понятие «модернизация» вошло в отечественную социальную философию в конце 1990-х годов, когда национальная интеллектуальная элита начала осознавать тот факт, что «обновленная» демократическая Россия очень отстала от стран Запада в экономической, научной, технической и других сферах. Несколько ранее в 1960-70 гг американскими социальными философами (С. Липсет, С. Хантингтон и др.) была разработана теория модернизации. «Основным ее содержанием стало отражение процессов перехода стран «третьего мира» к индустриальному обществу, сопровождающихся принципиальными изменениями в сфере культуры»¹. Таким образом, в российском коллективном сознании проблема модернизации возникла с пониманием того, что из индустриально развитой страны мы преврати-

лись в страну «третьего мира» с губительной инволюционной экономической и социокультурной динамикой².

Разберемся теперь с другим понятием — общественного прогресса. Под общественным прогрессом в широком смысле понимается улучшение социальной структуры и социальных отношений. Идея прогресса — детище Нового времени. Например, О. Конт рассматривал четыре вида прогресса: материальный — улучшение экономического положения; физический — улучшение здоровья и увеличение продолжительности жизни; интеллектуальный — продвижение умственное и научное; моральный — распространение доброты и мужества. Э. Дюркгейм видел прогресс в общественном разделении труда, Г. Спенсер — в усложнении общества, К. Маркс — в развитии производительных сил и т.д. По их мнению, прогресс определяется критерием, который признается главным. Для Г. Спенсера и Э. Дюркгейма это двусторонний процесс дифференциации и интеграции, для Г. Зиммеля — принцип экономии и сохранения сил, для М.М. Ковалевского — рост солидарности и равенства, для других — рост знаний и т.п.

---

¹ Костина А.В. Модернизация как социокультурный проект: задачи реализации в условиях российской специфики // Модернизация России: информационный, экономический, политический, социокультурный аспекты / Отв. ред. А.В. Костина. М.: Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2012. С. 34.

---

² Горелов А.А. Инволюция культуры и модернизация — две вещи несовместные // Культура информационного общества и проблемы модернизации России / Отв. ред. А.В. Костина. М.: Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2011. С. 146.

В XX в. к употреблению данного понятия стали относиться более осторожно, поскольку оно соотносится с понятием улучшения, а это вводит в науку ценностную категорию, несовместимую с объективностью научного исследования. В понятии прогресса заключено субъективное представление о желательности каких-либо изменений. Все попытки найти объективную тенденцию, характеризующую положительные социальные сдвиги, оказались безуспешными: все социальные тенденции могут вести как к прогрессу общества, так и к его регрессу. В конце XX в. слово «прогресс» осталось лишь в лексиконе информации о научно-технических достижениях. В области социальных достижений после победы в «холодной войне» и дискредитации советского общества вершиной социального прогресса негласно признано западное общество, формирующее постмодернистское пространство постиндустриальных технологий. Отныне «топ-общество» — цель и идеал развития для остального человечества: прогресса нет, есть только модернизация в соответствии с заданными Западом стандартами. Идея прогресса сменилась «новой социал-дарвинистской теорией глобального общества, которая провозглашает принцип естественного отбора народов, обязанных доказать свою выживаемость в условиях глобального — не связанного никакими протекционистскими барьерами рынка»³. Но не следует забывать, что естественный отбор в биосфере всегда гармонично сочетался с коэволюцией и мутуализмом как взаимовыгодным сотрудничеством. Аналогичную картину мы видим и в этносфере (Л.Н. Гумилев), где агрессивность пассионарных толчков в одних этносах гасилась мирными фазами затухания — в других. Потенциалом развития человечества во все времена были огромное разнообразие культур и стихийность пассионарной сингулярности. А позитивность развития в целом складывалась в гармонии социального, морального, экологического, экономического, научно-технического прогресса как составных частей. Ядром целостного человеческого прогресса всегда остается рост нравственности. Согласно мнению австрийского этолога К. Лоренца, выживание человечества требует согласованности технической и моральной эволюции.

Улучшить общество можно только постоянным созидательным усилием людей. Общество необходимо для совместного производства духовного

продукта — культуры, и если принять эту задачу, то отсюда следует еще один критерий социального прогресса. Собственно социальным прогрессом в смысле прогресса социальных структур будет такое развитие социальных отношений и институтов, которое позволит индивидам реализовать смысл жизни человека. Для этого развитие социальных институтов должно идти в направлении уменьшения социальной напряженности, что высвобождает энергию для культурного творчества. Социальная эволюция может быть признана социальным прогрессом, если она способствует вместе с другими формами эволюции реализации смысла человеческого существования.

В связи с поднятой в заголовке статьи проблемой возникает следующий вопрос, что и зачем нам нужно «осовременить», ведь мы и так являемся современниками, живя в данное время. Понятно, что стратегической целью модернизации является потребность сохранить свою национальную идентичность, независимость и государство в тех границах, которые существуют в настоящее время. Модернизация предполагает некие образцы, которые становятся ее целью. Если в середине XX в. СССР поставил целью «догнать и перегнать» развитые страны Запада, то в XXI в. уровень цели явно понижается и речь идет только о том, как бы не отстать катастрофически.

Таким образом, модернизация в том смысле, какой ей придают западные теоретики, является подражанием западной экономической, политической и социокультурной модели постиндустриального общества. Встает следующий вопрос о том, что Россия как общество, доселе (до 1990-х годов) жившее по другой модели, может и хочет взять у «передовых» стран? О внутренней ситуации Запада уже очень много сказано европейскими философами конца XX века — М. Фуко, Ж. Делёзом, Ж. Бодрийаром и др.

В политической сфере после «победы» в холодной войне против восточного блока Запад во главе с США претендует на роль гегемона, устанавливающего «новый мировой порядок». «Возобладала цивилизационная парадигма, открывающая дорогу монопольного присвоения понятий «демократия», «свобода», «гражданское общество» западной цивилизацией в качестве их единственного аутентичного истолкователя и носителя»⁴. Возглавив глобализирующийся мир, страны За-

³ Панарин А.С. Народ без элиты. М.: Алгоритм, 2006. С. 13.

⁴ Панарин А.С. Православная цивилизация в глобальном мире. М.: Алгоритм, 2002. С. 16.

пада предлагают политическое переустройство мира под присвоенными лозунгами «свободы, демократии, либерализации»: вы не хотите свободы — мы введем войска, чтобы вас освободить, вы не хотите демократии — мы проследим, чтобы она у вас была, вы не хотите либерализации — мы устроим глобальный рынок и вы будете жить по законам нашего рынка. Головокружение от успеха и чувство превосходства — плохие советчики для претендентов на создание глобального «идеального общества».

Во все времена управляющей элите для поддержания существующего порядка и структуры общества требовались особые механизмы подчинения, обеспечивающие устойчивость общества, его воспроизведение и выживание, т.е. заставляющие людей трудиться, отдавать деньги в казну, участвовать в войнах и т.д. Насильственные (физическое насилие) механизмы сохранения структуры общества действовали в рабовладельческом и феодальном обществе. Капиталистическое общество породило экономические приемы, способствовавшие тому, чтобы большинство управляемых стремилось работать и покорялось «за кусок хлеба». Силой и голодом нельзя заставить людей работать в сытом и демократическом (т.е. свободном) постиндустриальном обществе. Новому обществу требуются новые более тонкие, менее явные, психологические манипулятивные приемы, побуждающие людей производить и потреблять. Манипуляция как глубинная основа этих воздействий представляет собой особый «способ господства путем духовного воздействия на людей через программирование их поведения»⁵. Многообразие приемов манипуляции, возможность воздействия на разные стороны жизни людей позволяют назвать постиндустриальное общество различными «именами» — общество потребления, рекламная цивилизация, общество спектакля и др.

Правящая верхушка в таком обществе расширяет свои позиции по принципу «у нас — пресса, у нас — биржа, а теперь у нас еще и ваше подсознание». Психологическое воздействие как новое средство власти может возникнуть и возникает только в гражданском обществе с установлением политического порядка, основанного на представительной демократии, т.е. демократии западного типа. В таком обществе внешнее подчинение уступает место внутреннему подчинению

масс, видимое господство подменяется незримым господством, от которого становится невозможно защититься. Психологическое воздействие и манипуляция сознанием осуществляются в духовной сфере, но материально общество должно быть подготовлено к производимым процедурам, поэтому производится перестройка во всех сферах общества — экономической, социальной и культурной.

В экономической сфере возникает ситуация, которую М. Фуко назвал идеей «Европы совместного обогащения»⁶. Капитализм утвердил идею совместного обогащения государств за счет рынка, взаимодействуя на котором выгоду получают и продавец, и покупатель. Но у рынка, как хорошо известно россиянам, есть и другая возможность, когда преимущество получает только один участник обмена в том случае, если обмен неэквивалентный и несправедливый. Чтобы осуществить такой неэквивалентный обмен, Европе для обогащения нужен мировой рынок. «Впервые Европа... предстала как то, что должно завладеть миром как бесконечным рынком... То есть, с одной стороны, Европа, европейцы, которые станут игроками, а с другой — мир, который станет ставкой. Игра ведется в Европе, но ставкой служит мир»⁷.

Если авторитарная власть вела к колониализму через физическое насилие и политическое порабощение, то новая либеральная экономика Запада ведет к неоколониализму через мировой рынок. Идеология неолиберализма рождается как способ побеждать без ружей и пушек, посредством экономического оружия.

По Фуко, неолиберализм как идеология и экономическая практика и заявленное Западом осуществление свободы в принципе несовместимы. Неолиберальная правительственная практика не гарант свободы, «она — потребительница свободы»⁸. Потребляет свободу — значит обязана ее производить в необходимой для потребления степени, «поскольку она может функционировать лишь в той мере, в какой существуют определенные свободы: свобода рынка, свобода продавца и покупателя, свободное осуществление права собственности, свобода мнения, при случае свобода

⁵ Кара-Мурза С.Г. Манипуляция сознанием. М.: Эксмо, 2011. С. 32.

⁶ Фуко М. Рождение биополитики. Курс лекций, прочитанных в Колледже де Франс в 1978-1079 учебном году. СПб: Наука, 2010. С. 77.

⁷ Там же. С. 77, 78.

⁸ Там же. С. 87.

слова и т.п.»⁹. Таким образом, неолиберальная практика и в экономической, и в политической сфере предполагает отношение производства/разрушения свободы. Парадокс заключается в том, что производство свободы требует создания структур, эту свободу поддерживающих, но данные структуры сами начинают потреблять свободу, которую они призваны поддерживать. При этом в целом неолиберализм больше потребляет свободу, чем производит.

С другой стороны, неолиберализм в отличие от традиционного либерализма берет за основу функционирования рынка не обмен, а конкуренцию. Поэтому участник обмена должен быть конкурентноспособен, т.е. он становится особым капиталом — человеческим, а его личность сводится к Человеку экономическому, все сферы деятельности которого — семья, творчество, отдых и т.п. и все жизненные цели получают экономическую интерпретацию. По Фуко, этот новый Человек Экономический уже не партнер обмена, а антрепренер самому себе. Жизнь не только общества, но и человека начинают восприниматься в экономических терминах, а производство и потребление меняются местами. М. Фуко приводит в пример интерпретацию преступлений с неолиберальной позиции. Тогда поведение преступника «может определяться как действие, которое индивид совершает, рискуя быть наказанным законом... нет никакой разницы между нарушением правил дорожного движения и преднамеренным убийством... преступник в этой перспективе не окрашен моральными и антропологическими чертами... он трактуется как лицо, инвестированное в действие, от которого оно ожидает выгоды, и рискующее убытком... С этой точки зрения... уголовная система больше не должна заниматься раздвоенной реальностью преступления и преступника»¹⁰. Но этот вызванный к жизни Человек экономический не является стихийно и свободно действующим субъектом. Он должен быть тонким барометром любых изменений давления в обществе, он тот, кто систематически реагирует на искусственно вносимые сверху в среду изменения, он партнер правительства и в высшей степени управляем.

Неолиберальная политика воспринимает общество в целом как «общество для предприятия», т.е. для рынка. Неолибералы стремятся к управле-

нию обществом, к «политике общества», которая «должна устранять не антисоциальные эффекты конкуренции, но антиконкурентные механизмы»¹¹. Цель — сделать регуляцию рынка принципом регуляции общества. Неолиберализм проповедует «общественную рыночную экономику», основывающуюся на идее, что «экономика — это игра, что существуют правила экономической игры, гарантируемые государством, и что единственная точка соприкосновения между экономическим и социальным — это правило сохранения, согласно которому ни один из игроков не будет исключен»¹². Тем самым ставится под вопрос традиционная цель социальной политики, заключающаяся в том, чтобы каждый оказался в состоянии при любых обстоятельствах поддерживать свое существование и существование тех, за кого он ответственен.

Мир, с позиции неолиберальной свободы, — это глобальное пространство рыночных отношений на всех уровнях человеческого поведения. Неолиберальная доктрина хочет встроить каждого жителя Земли в сетевую структуру рынка, когда любое воздействие на самую тонкую нить вызовет ответную реакцию в самых отдаленных уголках планеты. Таким миром легко манипулировать, а управление им гораздо эффективнее, чем империей Александра Македонского или Римской. Но призыв западного «продвинутого» общества «Станьте такими, как мы!» наталкивается не только на субъективные протесты в виде движения антиглобалистов, но и на абсолютные препятствия, например, в виде экологического кризиса: у Земли нет ресурсов, чтобы семь миллиардов землян имели такой же уровень жизни, как «золотой миллиард». «В рамках неосуществимого проекта евроцентризма идеология рынка (с предполагаемым почти автоматически дополнением — демократией), превратившаяся в настоящую теологию, переходит уже в сферу гротеска»¹³. Дело тут не в гротеске, а в том, что за доллар и евро, которые можно напечатать в неограниченном количестве, Запад на этом самом мировом рынке скупает ресурсы, поддерживая высокий уровень жизни «золотого миллиарда».

Неолиберализм не просто требует невмешательства государства в экономику, он подчиняет себе его деятельность с целью производства чело-

⁹ Там же. С. 86, 87.

¹⁰ Там же. С. 316-317.

¹¹ Там же. С. 207.

¹² Там же. С. 257.

¹³ Амир С. Цит. по: Кара-Мурза С.Г. Манипуляция сознанием. М.: Эксмо, 2011. С. 220.

века для рынка и конкуренции. Фуко использует понятие биополитики для обозначения подобного производства человека с целью его потребления (как и производства свободы с целью ее потребления).

В указанной работе М. Фуко изучал процесс производства и потребления свободы в западном обществе 1970-х гг., позже (в 1990-е) Ж. Бодрийяр назвал критическое состояние этого полностью освобожденного общества — «после оргии». Он утверждал, что произошло «освобождение политического и сексуального, освобождение сил производительных и разрушительных, освобождение женщины и ребенка, освобождение бессознательных импульсов, освобождение искусства... Сегодня игра окончена — все освобождено. И все мы задаем себе главный вопрос: что делать теперь, после оргии?»¹⁴ Когда все конечные цели освобождения остались позади, западное общество, по утверждению французского мыслителя, «спешит в пустоту». Характеризуя «общество симулякров»¹⁵, Бодрийяр указывает, что в нем происходит деформация ценности. В древнем обществе (на начальной стадии, по Бодрийяру) ценность развивалась согласно существовавшим обычаям как повседневные, бытовые ценности. На второй, рыночной, стадии ценность выступает как средство обмена и развивается согласно логике торговли. На третьей, структурной, стадии появляется ценность-символ, которая развивается в соответствии с существующей совокупностью образов. «На четвертой же стадии — стадии фрактальной, которую мы могли бы также назвать вирусной или стадией диффузии ценностей, уже не существует соответствия чему-либо... не существует более равноценности... нет больше самого закона ценности»¹⁶. В обществе симулякров вещи, знаки, деятельность — все освобождается от идей и сущности и вступает на путь бесконечного самовоспроизводства. «Идея прогресса исчезла, но прогресс продолжается. Идея

богатства, которая предполагает производство, исчезла, но производство как таковое осуществляется наилучшим образом... Идея исчезла и в политике, но политические деятели продолжают свои игры, оставаясь в тайне совершенно равнодушными к собственным ставкам... Всякая вещь, теряющая свою сущность, подобна человеку, потерявшему свою тень: она погружается в хаос и теряется в нем. Здесь начинается метастатический беспорядок размножения путем ракового деления, которое более не повинует генетическому коду ценности»¹⁷. В обществе начинается процесс «взаимного заражения», которое проявляется в смешении сфер и жанров. Экономика становится трансэкономикой, в которой «орбитальный круговорот капитала» (а он в десятки, а возможно и сотни раз превышает объем товарообмена) становится фиктивной экономикой. Секс распространяется за свои пределы, становясь искусственной транссексуальностью. Политика затрагивает все сферы — экономику, науку, искусство, спорт. Спорт выходит за собственные рамки — в бизнес, в секс, в политику. Все сексуально, все политично, все спортивно.

В новом фрактальном обществе каждая категория дробится до микроскопических доз и смешивается с другими категориями до неузнаваемости и неуловимости. Ложь становится неотличимой от правды. Тотальная ложь объемна и осязаема, либеральная ложь фрактальна и неуловима. Произошла замена интереса — желанием, реальности — знаком, будущего — сиюминутным, накопления — потреблением.

«Технологии прежнего, прометеява типа, связанные с похищением космического огня творческой мыслью, вовлеченной в процесс реального общественного производства, подменяются манипулятивно-наркотическими технологиями, преобразующими не саму действительность, а наше восприятие и мироощущение»¹⁸. Творческий труд направлен вовне, на преобразование самой реальности, он связан с открытиями, реально повышающими производительность общественного труда на основе новых открытий энергии или вещества. Творческая деятельность в обществе симулякров соответствует не принципу реальности, а «принципу удовольствия», обращенному к подсознанию и потакающему «репрессированной» чувственности. Отсюда умопомрачительное разнообразие

¹⁴ Бодрийяр Ж. Прозрачность зла. М.: Добросвет, 2012. С. 7.

¹⁵ По мнению французских философов, которые ввели понятие «симулякр» («видимость», «подобие») в современный дискурс, «это не просто вырожденная копия, в нем кроется позитивная сила, которая отрицает и оригинал и копию, и модель и репродукцию (Deleuze G. Logique du sens. Minuit, 1969. P. 302). «Симулякр — это совсем не то, что скрывает собой истину, — это истина, скрывающая, что ее нет» (Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. М.: Добросвет, 2012. С. 8).

¹⁶ Бодрийяр Ж. Прозрачность зла. М.: Добросвет, 2012. С. 10.

¹⁷ Там же. С. 12-13.

¹⁸ Панарин А.С. Православная цивилизация в глобальном мире. М.: Алгоритм, 2002. С. 41.

моделей товаров и машин, отличие которых касается не реальной, а символической потребности инстинкта. Новоевропейский человек, пуще всего дорожающий своей свободой от внешнего принуждения, предпочел отдаться во власть виртуального мира, чем открыться реальному миру и признать его права.

Проецируя современную ситуацию на будущее, известный российский социальный философ А.А. Зиновьев, пишет о «великом эволюционном переломе» человеческой цивилизации в конце XX в.: происходит переход от эпохи обществ к эпохе сверхобщества. «Запад стремится к объединению человечества в единый глобальный человек... как необходимое средство формирования и выживания западной цивилизации... ей необходима вся планета как среда существования, необходимы все ресурсы человечества»¹⁹. Социальная организация «западнистского сверхобщества» (по терминологии А.А. Зиновьева) складывается из основе сверхгосударства, сверхэкономики, денежного тоталитаризма и сверхидеологии. Управление в сверхгосударстве, в котором начинает преобладать недемократическая скрытая кастовая система власти, «не является не только выборным, но и вообще узаконенным»²⁰. В сфере экономики с середины XX в. отчетливо обнаруживаются тенденции к превращению больших территорий и целых стран в объединения, функционирующие как огромные денежные системы и капиталы. «Экономические гиганты... выйдя за пределы «национальных государств» на мировую арену, стали вести себя во многом не как подвластные своего государства, а как равные ему партнеры... как суверенные человеки... Фактически и рынком, и экономикой, и государством, и обществом в целом уже управляет вполне видимая, хоть и прячущаяся рука сверхэкономики-сверхгосударства, исполнительным органом которого является денежный механизм»²¹. Над экономикой, создающей ценности, выросла экономика второго уровня, которая используя доходы от экономики первого уровня, создала сферу условных (символических) денег и стала экономикой огромных символических капиталов. Этот денежный механизм работает не по законам экономики, а как трансэкономика (Ж. Бодрийяр).

А.А. Зиновьев также отмечает, что СМИ стали еще одной «невидимой рукой»: из средств распространения информации они превратились в производителя, контролера и властителя информации. Он называет медиа «ватиканом» западнизма, осуществляющим коллективную власть, которая выступает по отношению к каждому как власть абсолютная²². Сама идея глобального общества есть лишь идеологически замаскированная установка всего западного мира, возглавляемого США, на покорение всей планеты различными средствами от глобальной экономики до вооруженного нападения, идея «американизации человечества».

Вывод Зиновьева в том, что Запад всем ходом исторического развития вынуждается на то, чтобы установить глобальный мировой порядок, отвечающий его интересам, что это объективный закон социального бытия, не совпадает с мнением другого выдающегося российского философа А.С. Панарина. По его мнению, западное общество завело себя в тупик в результате закабаления человеческого духа и психики системой тотально-репрессивной рациональности. В обществе как системе возникла практика внутреннего геноцида, направленная против прав самой жизни, спонтанности и самооценности духа. Рационалистическая репрессия направлена против всего, что живет само по себе, вне генерального плана и рационально организованной функции. Например, средневековая культура терпела всякого рода скитальцев, странников, нищих, созерцателей, мечтателей, а новая система тотальной выбраковки негодного человеческого материала стала тестировать людей на рациональную пригодность²³.

Добуржуазные общества обладали одной завидной особенностью, которая совершенно исчезла в обществе прибавочной стоимости. Это принцип дарения. Глава семейства, женщина-мать и даже хозяин ремесленной лавки не могли рассчитывать на сиюминутную отдачу и «финансировали» проекты будущего. Человек не может обособиться в «скорлупе» одной лишь личной жизни, все мы — невольные участники общей жизни человечества. «Достоинство этой жизни и смысл всего мироздания требуют только, чтобы это невольное участие каждого во всем становилось вольным, все более и более сознательным и сво-

¹⁹ Зиновьев А.А. Запад. М.: Алгоритм, Эксмо, 2007. С. 470.

²⁰ Там же. С. 493.

²¹ Там же. С. 485.

²² Там же. С. 492.

²³ Панарин А.С. Православная цивилизация в глобальном мире. М.: Алгоритм, 2002. С. 58.

бодным... чтобы каждый все более и более понимал и исполнял *общее дело*, как *свое собственное*»²⁴. Общее дело становится, по Н.Ф. Федорову и В.С. Соловьеву, основой человеческой солидарности. Солидарность людей проявляется через доверие и дар. Люди, не испытывающие доверия друг к другу, смогут взаимодействовать лишь в рамках формальных правил, которые нужно постоянно вырабатывать, согласовывать, а затем отстаивать в суде. «Все правовые приемы, заменяющие доверие, в конечном итоге ведут к росту недоверия в обществе, а рост недоверия в обществе равносителен введению дополнительного налога на все формы экономической деятельности»²⁵. Именно это недоверие оплачивает наше и без того бедное общество бесконечному количеству охранников и сторожей: кажется, что скоро все мужское население России будет что-то у кого-то и от кого-то охранять.

По мнению А.С. Панарина, дар обладает огромной не только социальной, но и онтологической ценностью. «Дар пробуждает в нас не только социальное чувство благодарности и признательности, но и космическое чувство причастности к миру... Ведь и сам даритель получил их в дар — от богов, от космоса, от вышестоящего лица, от собственных предков. Именно поэтому он в свою очередь обязывает к бескорыстному дарению — таков высший космический закон»²⁶. В цивилизации тотального менового эквивалентного обмена понятие дара исчезает, но вместе с ним исчезает и понятие социальных и моральных обязательств: «я расплатился и потому никому ничем не обязан».

Кроме материальных и социальных даров существует еще дар творческий, когда человек дарит всем результаты своего творческого гения, которые не имеют материального эквивалента. Как архетип дарения выступают все виды активности, относящиеся к формированию «человеческого капитала», — брак, семья, воспитание детей, отношения между полами, отношение к престарелым. В XX в. начался процесс «дезертирства» из сферы дарения и доверия. Человек, обладающий с детства огромным количеством вещей, но не получивший материнских даров любви и доверия, формируется как новый индивидуально-гедонистический тип, нацеленный на «мораль успеха».

Этот новый антропологический тип лишен импульсивной внутренней энергии и в основном задается вопросом: а что и сколько я буду за это иметь? Он перестает рожать детей, потому что ему не вполне ясны меновые перспективы этих демографических инвестиций. Повисает в воздухе и вся система образования, которая держится на бескорыстной передаче творческих импульсов и знаний. Вообще встает вопрос о людях, способных к творческому дару. Их уже не родит бездушная система потребительского общества. Именно поэтому Запад ввозит «умы» с Востока — из Китая, России, Индии и других традиционных обществ. «Творец, похититель космического огня, онтологический мистик и алхимик, выпытывающий тайны природы, сменился компьютерно оснащенным оператором, занятым поиском готовых рецептов и открытий в Интернете»²⁷.

Западное общество создало новый тип отношений и новый тип человека, который вступает в эти отношения. Социальные отношения в любых сферах приближаются к экономическому типу, основанному на контрактах и гарантиях эквивалентного стоимостного обмена. «Ты мне, я тебе» — вот его основной принцип. В таком обществе понятия долга, ответственности, сострадания, сопричастности подменяются отношениями эквивалентного обмена, а этика любви подменяется этикой справедливости. Могут ли социальные отношения быть целиком основанными на контракте, на гарантиях такого эквивалентного стоимостного обмена? Как показали западные и отечественные философы, в этом принципе нет уже ничего собственно социального, а есть только экономическое. Современный либерализм не стесняется так и формулировать задачу модернизации: исключить «архаику» социальной и моральной ангажированности, расчистив место для тотальной экспансии экономических отношений.

Таким образом, до конца социализированное, адаптированное и интегрированное, т.е. целиком «нормализованное» западное общество теряет источники стихийной человеческой энергии. Господствующая целевая установка такого общества диктует недоверие ко всем незападным цивилизациям как не прошедшим стадию «нормализации» — укрощения стихийных начал массовой рациональностью и принципом соответствия стандартам, которые воспитывают у членов такого общества тотальную податливость, основанную на

²⁴ Соловьев В.С. Оправдание добра // Соловьев В.С. Соч. в 2-х т. М.: Мысль, 1988. Т. 1. С. 286.

²⁵ Панарин А.С. Православная цивилизация в глобальном мире. М.: Алгоритм, 2002. С. 78.

²⁶ Там же. С. 80.

²⁷ Там же. С. 110.

глубоком равнодушии. Если в Новое время глубокие мыслители мучительно пытались преодолеть не подвластную нашей воле материальность (природную или общественную), то драма современной западной цивилизации (а заодно и всех, кого модернизация устремляет на этот путь) в отлучении от мира, погружении в виртуальные, знаковые, искусственные системы, изолирующие от подлинного бытия, от космической причастности.

Возврат к духовным источникам, питающим человека, видится в гармоничном приближении к природе. Она дает человеку чувство причастности и бескорыстного восхищения. Как писал русский космист Н.Ф. Федоров, грядущий «переход от города в село будет переходом от нынешнего индустриализма, на половом подборе основанного, блудными сынами... созданного, к индустриализму сельскому, семейному, на союзе со знанием природы основанному... И такой 3-й индустриализм будет не искусственным, а естественным тканетворением, производением естественных покровов, из коих сложены тела, будет органознанием»²⁸.

В урбанистических джунглях теряется материнский голос природы: они порождают «тоскливо-озлобленное космическое сиротство» современной личности. По образному выражению Э. Фромма, природа воспринимается сейчас как один большой объект для удовлетворения аппетита современного человека, гигантское яблоко, гигантская бутылка, гигантская материнская грудь; все мы — сосунки, вечно ждущие, вечно на что-то надеющиеся — и вечно разочаровывающиеся. Современная личность приспособлена лишь к тому, чтобы обменивать и получать, торговать и потреблять. И невозможно увидеть в этом «сосунке» личность как «центральный онтологический элемент мира» (Н.О. Лосский), человека, наделенного свободной волей, жизненной силой и творческими потенциями.

Поскольку общество представляет систему, а человек — элемент этой системы, то их взаимодействие происходит по принципу позитивных или негативных обратных связей. И хотя общество как система более высокого уровня обладает эмерджентными свойствами, его структура в большей степени определяется преобладающими взаимодействиями между элементами. Справедлива и обратная связь: индивид воспитывается и приспособляется к тому времени и тому обществу, в котором родился. В этом смысле общество

— это материнская среда, но оно же может стать и мачехой. Если общество слабо воздействует на человека, не предоставляет ему выбора в сфере экономических и социальных отношений, индивид может «выпасть» в периферийные области социума — криминальные структуры и другие маргинальные сообщества. Воздействие такой периферии на основное общество уродливо и нездорово, ведь социально «больные» индивиды делают свое общество еще более больным. Когда общество воздействует на индивида сильнее, чем индивид на общество, начинается деградация культуры, ибо в этом случае с необходимостью умаляется решающая величина — духовные и нравственные задатки человека. В рамках сверхорганизованного с разработанной системой манипулятивных практик общества, от которого нельзя спрятаться в укромный уголок, чтобы оно «не достало», и которое тысячами способов подчиняет своей власти, человеку трудно стать независимой личностью и оказать благотворное обратное воздействие на само общество.

Дух общества определяется живыми духовными движениями его членов, а бездуховность — соответственно отсутствием общей соборной воли народа. А.А. Зиновьев утверждал, что в XX в. возникли два конкурирующих варианта эволюции человека — «западнизм» и коммунизм. Он объясняет поражение коммунистической модели развития социальными причинами, но очевидно, что была и духовная причина — дисперсия духовности отдельного советского человека в результате потери личного смысла жизни и смысла общественной динамики. Бездуховность западной модели с очевидностью предрекает и ее «тупиковость». Ноосферный духовно-социальный оптимизм предполагает, что выход будет найден и это будет духовный прогресс человечества в широком смысле слова.

Современное решение одновременно двух задач — сохранения национальных особенностей и модернизации как адаптации к новым мировым условиям — можно назвать принципом двойного соответствия²⁹. Все страны ведут общее глобальное существование, но особенным образом, определяемым традициями. «Залог будущего успеха — в должном сочетании традиции и развития»³⁰.

²⁹ Горелов А.А. Глобализация и будущее России. М.: Альянс, 2009. С. 192.

³⁰ Гуревич П.С. Традиция как гарант стабильности // Философия и культура. 2011. № 7. С. 4.

²⁸ Федоров Н.Ф. Собр. соч. в 40 тт. Т. 2. М., 1995. С. 295.

Из этой диалектичности единичного и общего и следует принцип двойного соответствия: чтобы выжить, необходимо соответствовать объективным общемировым тенденциям и национальному характеру. Если развитие нации не удовлетворяет ему, она погибает или из-за перерождения в нечто другое, или из-за неспособности выжить в изменяющемся мире. А страны, соответствующие ему в наибольшей степени, лидируют в социальном соперничестве. Примером тому является динамическое развитие некоторых стран Юго-Восточной Азии и Латинской Америки. Ж. Бодрийяр называет использование заемных технологий и западной культуры, в частности Японией, «гостеприимством». Это приятие чужой культуры не сопровождается ни внутренним психологическим приятием, ни глубиной, ни следованием чужой традиции. «Японский динамизм не подчиняется ни системе ценностей, ни конечным целям западного общества... Японцы — великие актеры в области технологии... а их символические ритуалы способны абсорбировать все, что угодно, в том числе тело капитализма, лишенное органов»³¹. Бодрийяр называет этот феномен приятия чужой культуры «сверхразвитым обществом, хранящим в себе все ритуальное могущество первобытных общин», радикальной экзотикой³². По сути, каждое общество, ощущающее свою силу, оригинальность и духовный потенциал, должно стремиться к такой радикальной экзотике и культурному неподчинению. Это относится и к России в очень большой степени, поскольку у нее всегда был свой «культурный код», базировавшийся на многонациональности, разноконфессиональности, огромном пространстве и особенностях характера именно русских как ядра общества.

Можно попытаться дать рекомендации прогрессивного развития нашего общества, которые необходимы в различных сферах его жизнедеятельности. Главная рекомендация — рационализация руководства во всех сферах за счет: 1) создания оазисов рациональности (как при освоении космоса и развитии высоких технологий); 2) стимулирования развития рациональных отраслей культуры (поднятие престижа и экономической базы науки); 3) пропаганды рациональной государственной идеологии.

В других сферах надо использовать имеющиеся преимущества геополитического, научно-технического и культурного плана, а при необходимости проводить протекционистскую политику в отношении отечественных производств при государственной поддержке сельского хозяйства. В политике национальные детерминанты должны определяться тем, что страна таких огромных масштабов должна иметь сильное государство. Но тенденция демократизации требует нескоропалительных (учитывая национальный менталитет) шагов по принципу «слегка опережающей демократии», которому должна следовать власть, ведущая народ к демократии. Культурная политика должна быть направлена на развитие всех современных отраслей культуры. В документах международных организаций подчеркивается значение плюрализма культур, поскольку самобытность — жизненное ядро культуры, тот динамичный принцип, через который общество, опираясь на свое прошлое, черпая силы в своих внутренних возможностях и осваивая внешние достижения, отвечающие его потребностям, осуществляет постоянный прогресс самостоятельного развития. В демографической сфере необходима государственная помощь семье и переориентация ценностей самого населения, понимающего, что будущее нации зависит не от числа автомобилей, а от числа детских колясок. В экологической сфере необходимо использование ресурсов прежде всего в интересах государства и большинства населения, а в менталитете народа должно укрепляться представление о необходимости бережного использования богатств природы и заботы о состоянии окружающей среды.

В XX в. Запад бросает постиндустриальный вызов, на который должны ответить социальные институты и отдельные люди в странах остального мира. От России по-прежнему очень многое зависит в мировой истории, имея в виду ее важнейшее геополитическое значение. Ее будущее зависит от ныне живущего поколения. Если возрождения не случится в ближайшие годы, то тогда останется уповать только на чудо. Для России значимой идея евразийства, потому что будущее за синтезом (к этому ведет тенденция глобализации), а Россия может стать ведущим звеном синтеза Востока и Запада. Альтернативная глобализация может стать новой интернациональной идеей общественного прогресса.

³¹ Бодрийяр Ж. Прозрачность зла. М.: Добросвет, 2012. С. 211-212.

³² Там же. С. 212.

Список литературы:

1. Бодрийяр Ж. Прозрачность зла. М.: Добросвет, 2012.
2. Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. М.: Добросвет, 2012.
3. Горелов А.А. Инволюция культуры и модернизация — две вещи несовместные // Культура информационного общества и проблемы модернизации России / Отв. ред. А.В. Костина. М.: Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2011.
4. Горелов А.А. Глобализация и будущее России. М.: Альянс, 2009.
5. Гуревич П.С. Традиция как гарант стабильности // Философия и культура. 2011. № 7.
6. Зиновьев А.А. Запад. М.: Алгоритм, Эксмо, 2007.
7. Кара-Мурза С.Г. Манипуляция сознанием. М.: Эксмо, 2011.
8. Костина А.В. Модернизация как социокультурный проект: задачи реализации в условиях российской специфики // Модернизация России: информационный, экономический, политический, социокультурный аспекты / Отв. ред. А.В. Костина. М.: Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2012.
9. Панарин А.С. Православная цивилизация в глобальном мире. М.: Алгоритм, 2002.
10. Панарин А.С. Народ без элиты. М.: Алгоритм, 2006.
11. Соловьев В.С. Оправдание добра // Соловьев В.С. Соч. в 2-х т. М.: Мысль, 1988. Т. 1.
12. Федоров Н.Ф. Собр. соч. в 40 т. М., 1995. Т. 2.
13. Фуко М. Рождение биополитики. Курс лекций, прочитанных в Колледж де Франс в 1978-1979 учебном году. СПб: Наука, 2010.
14. Deleuze G. Logique du sens. Minuit, 1969.

References (transliteration):

1. Bodriyyar Zh. Prozrachnost' zla. M.: Dobrosvet, 2012.
2. Bodriyyar Zh. Simvolicheskiy obmen i smert'. M.: Dobrosvet, 2012.
3. Gorelov A.A. Involyutsiya kul'tury i modernizatsiya — dve veshchi nesovmestnye // Kul'tura informatsionnogo obshchestva i problemy modernizatsii Rossii / Otв. red. A.V. Kostina. M.: Izd-vo Mosk. gumanit. un-ta, 2011.
4. Gorelov A.A. Globalizatsiya i budushchee Rossii. M.: Al'yans, 2009.
5. Gurevich P.S. Traditsiya kak garant stabil'nosti // Filosofiya i kul'tura. 2011. № 7.
6. Zinov'ev A.A. Zapad. M.: Algoritm, Eksmo, 2007.
7. Kara-Murza S.G. Manipulyatsiya soznaniem. M.: Eksmo, 2011.
8. Kostina A.V. Modernizatsiya kak sotsiokul'turnyy proekt: zadachi realizatsii v usloviyakh rossiyskoy spetsifiki // Modernizatsiya Rossii: informatsionnyy, ekonomicheskiy, politicheskiy, sotsiokul'turnyy aspekty / Otв. red. A.V. Kostina. M.: Izd-vo Mosk. gumanit. un-ta, 2012.
9. Panarin A.S. Pravoslavnyaya tsivilizatsiya v global'nom mire. M.: Algoritm, 2002.
10. Panarin A.S. Narod bez elity. M.: Algoritm, 2006.
11. Solov'ev V.S. Opravdanie dobra // Solov'ev V.S. Soch. v 2-kh t. M.: Mysl', 1988. T. 1.
12. Fedorov N.F. Sobr. soch. v 40 t. M., 1995. T. 2.
13. Fuko M. Rozhdenie biopolitiki. Kurs lektsiy, pročitannykh v Kolledzh de Frans v 1978-1979 uchebnom godu. SPb: Nauka, 2010.
14. Deleuze G. Logique du sens. Minuit, 1969.